

Александра Томилина

A movie poster featuring a man with long, grey hair and a beard, wearing a dark, textured tunic. He is looking out of a stone archway. To the left, a lit candle is visible. The background outside the archway shows a dark, rainy landscape with a city in the distance. The title 'ЖЕЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ' is written in large, stylized, metallic letters at the bottom.

ЖЕЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ

2026

Александра Томилина

Железное сердце

«Автор»

2026

Томилина А.

Железное сердце / А. Томилина — «Автор», 2026

Война. Проклятие. Король, который не верит ни в магию, ни в себя. Конрад фон Айзенхерц потерял всё: друзей, веру и даже право называться королём. Ему осталось только одно — найти способ снять проклятие с рода. Или умереть, пытаясь это сделать.

© Томилина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александра Томилина

Железное сердце

Глава 1.

Крупный холодный августовский дождь барабанил по шерботой черепице крыши замка. Тучи застлали горизонт и слились с ним в единое чёрное месиво. Только вспышки внезапной короткой молнии освещали кривую полосу берега, чёрные уродливые силуэты деревьев и поле, как оспой изрытое траншеями и окопами. Шлосс Айзенхерц возвышался гранитной скалой перед стихией, принимая серыми крутыми плечами стен потоки воды. В редких бойницах мелькал неосторожный огонёк на краткий миг, освещая испуганное лицо солдата, и тут же исчезал, роняя замок в печальное молчание.

Давно ли здесь гремели балы? Давно ли опускался мост, чтобы принять дорогих хозяину гостей? Так давно, что уже немногочисленные слуги скажут: «никогда».

Конрад фон Айзенхерц устало щурил глаза в бедном свете догорающей свечи. Впалые бледные гладко выбритые щеки короля были испещрены тяжёлыми чёрными тенями, на лбу залегла глубокая складка раздумий, седые волосы, некогда густой шевелюрой спадавшие с плеч, теперь были собраны в неаккуратный хвост. Весь исхудавший вид Конрада внушал жалость, но не страх.

— Ваше величество, — шаркнул ногой в дверях маршал Брандт.

Скрипя деревянным протезом на месте правой ноги, он прохромал мимо короля, грузно опираясь раздутым телом о самодельный костыль. Конрад уставшими глазами следил, как Брандт неловко ставит костыль к столу, тянется за стулом и умащивает на нем своё тело.

— Докладывай, — голова у Конрада разрывалась от мигрени из-за бессонных ночей.

— Нынче на Айзенхуте видели разведку. Прошли южнее нас и ушли в ущелье. Вынюхивают, что от нас осталось. Я так думаю, на рассвете выдвинутся, — Брандт почмокал красивыми полными по-женски губами, оглядывая карту, разложенную на столе. — И думать нечего.

— Достань под столом бутыл, — устало проговорил Конрад и потер глаза.

— Доброе дело, — согласился маршал, выуживая из-под стола с картой большую стеклянную бутыл в соломенной оплётке.

Разлили по деревянным потемневшим кубкам с мелкими трещинами.

— Хорош самогон, — улыбнувшись, прокряхтел Брандт. Как только осушил свой кубок одним махом, занюхал рукавом мундира и тут же налил себе ещё.

Конрад свой кубок цедил неспеша, наслаждаясь тем, как алкоголь льётся водопадом в горло, обжигая его, наводя тепло в животе и дурман в голове.

— Еще собаки нарезанные мешают очень, — пожаловался Брандт, вертя в руках второй кубок, — решили, что могут на нас с вилами переть и требовать что-то.

— Что? — Конрад пьяно посмотрел на него с некоторой неприязнью, замечая редкие коричневые зубы за пышными седыми усами.

— Известно что, — хохотнул Брандт. — Свобод им подавай, демонам! Да разве ж это можно? Чтобы такие твари подколенные собой сами распоряжались?! Нелюди — одним словом!

Он густо утробно рыгнул и с удовольствием налил себе ещё.

— А ты, ваше величество, чего невесел?

Конрад хотел было вспылить, но глядел в пьяные масляные глазки своего главнокомандующего и вдруг захотелось ему самому свободы. Вздохнуть грудью холодный разреженный грозой влажный воздух и задержать его внутри, чтобы напитать каждый орган, возродиться

сыном бога грома и могущественно раскатами возвестить врагов о гнев своём и обрушить на их головы долгожданное возмездие. Правда, вдохнуть пришлось затхлый сладковатый запах гниющих фруктов на столе.

В дверь постучали. Молодой недавно назначенный кастелян замка робко сунул косматую голову в узкий дверной проем и нерешительно сказал:

— Ваше величество, поймали ведьму!

Конрад резко глянул на маршала и нахмурился. Встречи этой он опасался, хотя сам не верил в колдовство и колдунство, каким, по слухам, промышляла ведьма. Говорили, будто она сильна в проклятиях, а такие враги ему были особенно опасны.

— Веди, — решительно гаркнул Конрад, поднимаясь со своего кресла.

Маршал остался с бутылкой и картой коротать время до рассвета.

Весь путь до подземелья король шёл молча, глядел под ноги, раздумывая над чем-то. Иногда спотыкался, неловко хватался руками за стены, чтобы не упасть.

По пути ему попадались часовые и командиры отрядов, но никто не задержал его внимания.

В душном сыром подземелье лежала ведьма. Дряхлая худая женщина посреди каменной клетки. Узкие щиколотки её были закованы в тяжёлые деревянные кандалы. Серое мокрое от дождя платье липло к телу, позволяя разглядеть заострившуюся иссохшую фигуру. Лицо ведьмы осталось со следами былой красоты. Упрямые вразлёт брови теперь были седыми, тонкий длинный аристократичный нос хищно нависал над полными губами. Она с ненавистью смотрела на своих пленителей. Когда встретила с растерянным и смущённым взглядом короля, она улыбнулась.

— Ну здравствуй, мой король, — нагло крикнула она и попыталась подняться, но ноги не удержали ее, и она рухнула на каменный пол со стоном.

Конрад узнал ее. Он мог бы узнать её даже с закрытыми глазами по голосу — настолько боялся этой встречи.

— Оставьте нас, — глухо проговорил он, обращаясь к стражникам и кастеляну.

Когда все ушли, он придвинул стул к решётке и сел на почтительном расстоянии, осторожно поглядывая на ведьму, будто она может дотянуться до него сухими когтистыми руками.

— Ты, говорят, сбежала из Грюнвальда. Это правда?

— Как ты хочешь? — ведьма говорила тихо, певуче растягивая гласные.

— Правду говори, — раздражённо ответил Конрад.

Он старался не смотреть на неё, отвести взгляд. Будто если он не видит, то она здесь перед ним ненастоящая.

— Правду я скажу, — обещала ведьма, — только с правды той твоя головушка мигом покатится.

Конрад вздрогнул.

— Что ты хочешь сказать? — невнятно пробормотал он.

Страх и усталость сошлись в его измученном теле, делая все вокруг незначительным и мелким, будто во сне.

— Хочу сказать, мой дорогой король, — ведьма поднялась на негнущихся ногах, подошла к решетке, — все узнают! Тайное всегда становится явным!

Она улыбнулась вымученной улыбкой и упёрлась лбом в металлические прутья.

— Братья Грюнвальд знают, — мечтательно пробормотала она, — а за ними и весь мир...

— Тяжело без головы говорить, — решил Конрад.

— Нет-нет-нет! — обрадованно отозвалась ведьма. — Я тебя больше не боюсь! Вообще никто тебя не боится, жалкий трусливый мерзкий...

— Замолчи, — устало попросил король, потирая виски. Опьянение, спасшее его недавно, вдруг потерялось, рассеявшись вокруг стойким запахом перегара.

— Я даже в могиле молчать не буду! — ведьма истерически захохотала, хватаясь тонкими пальцами за ржавые прутья решетки. — Меня уже ничто не возьмёт! Они за тобой придут, и голова твоя будет...

— Да замолчи ты, холера тебя забери! — вскричал Конрад.

На крик его в темницу вбежал кастелян, подслушивавший под дверью весь разговор. Он разом остановился, будто в масло погружаясь в напряжение, висевшее в воздухе.

— Ваше величество, звали?!

— Пошёл вон! — рявкнул Конрад, поднимаясь со стула.

Он подошёл в два шага к решётке и решительно сунул руку между прутьями, хватая ведьму за платье на груди.

— Говори, старая стерва, что за мор навела вокруг! Говори, что знаешь!

— Не я мор навела, — прохрипела ведьма, — ты сам его навлёк!

— Как закончить это?! — Конрад рванул руку к себе, и ведьма лицом и грудью ударилась о прутья решётки.

— Смерть! — она уже не смотрела на него, а отчаянно пыталась расцепить его пальцы. — Смерть будет исходом для вас и спасением. Ежели не повинись перед братьями и не скрепишь... союз кровью.

Она устала бороться и безвольно повисла у него в руке.

— Повинись? — Конрад с удивлением посмотрел на неё и вдруг развеселился. — Да ты, дорогая Елена, совсем из ума выжила, раз решила, что я в чем-то сознаюсь.

Он разжал пальцы, наблюдая, как она оседает на пол, и резко крикнул в сторону двери:

— Ведьму сжечь! Но сперва, — он улыбнулся, — язык ей вырвать.

Глава 2.

Неловкими скупыми лучами занимался сквозь поредевший строй пустых туч рассвет. Будто нехотя он расталкивал крупные вялые серые облака, освещая под собой сырую землю. Конрад стоял перед узким проёмом бойницы и наглядеться не мог на просторы и ширь своего владения. Только удручала мысль, что вскорости это может закончиться. Он нахмурился и потёр сухой шершавой ладонью лицо, чтобы взбодриться. Разговор с прошлым разбередил сон, и далее он продолжал ощущать себя как погруженный в воду, с трудом переставляя ноги и ловя мысли остатками.

— Ваше величество, — высокий молодой командир отряда Томас. Широкоплечий и круглолицый, с молодецким пушком под носом и гладко зачёсанными светлыми волосами. — Мне доложили, что неприятель отошёл к ущелью. Они затихли. Но это может быть ложный манёвр, они уже много раз так делали.

— Где Брандт? — Конрад с некой усталой завистью смотрел на молодость командира, стараясь не сравнивать себя с ним, но неизбежно замечал его полный задора взгляд, гибкость стана и крепость шага.

— Маршал в конюшнях!

— Тогда готовься! — Конрад молодецки повёл плечами, отряхивая остатки ночного бдения.

— Слушаюсь! — Томас округлил глаза и вытянулся по струнке, обнажая белую полосу кожи на шее.

В конюшнях было шумно и грязно. Пахло навозом, конским потом и слежавшей соломой. Конрад нашёл людей около одного из денников. Изредка в толпе были слышны крики:

— Правой! — Да замахнись ты пошире! — Ну что ты как баба, ей-богу! — Гляньте, встаёт, старый чёрт!

Конрад, расталкивая людей локтями, пробрался к деревянной ограде денника и без удивления обнаружил бой между голым по пояс Брандтом и одним из конюхов. В этот самый момент Конрад увидел, как люди за его спиной едины в своём порыве, они стремятся сбросить тягостное бремя войны за малым весельем. Он ощутил небольшой укол совести за своё положение и, чтобы сбросить это неприятное гнетущее чувство, крикнул:

— К построению готовься! На плац шагом марш!

Его не сразу заметили, а когда заметили, то лёгкое роптание смолкло в одночасье, навалившись на Конрада тяжёлой тишиной. Сотни глаз устремились на своего короля с укором, со страхом, с уважением, с ненавистью. Бойцы тоже оторвались от своего поединка, и Брандт, хромая, приковылял к королю, размазывая тыльной стороной ладони кровь из разбитой брови по лбу.

— Ваше величество, — он задорно улыбнулся сквозь пышные усы и оглядел уставшее лицо Конрада, — мы успешно загнали этих сукиных детей обратно в их нору. Надолго ли, правда...

— Оденься и прими командование, — Конрад спиной физически ощущал взгляды солдат.

— Вы слышали приказ вашего короля! — рявкнул Брандт толпе. — Разойтись!

Когда все нехотя, но в общем молчании разошлись, Конрад позволил себе вздохнуть свободно и расправить плечи. Он оглядел место свершившейся схватки и задумчиво произнёс:

— Где теперь Альберих?

— Чего это он тебе вдруг понадобился? — удивился Брандт.

— Елена, — голос Конрада дрогнул, и он закашлялся.

Полуразрушенные развалины некогда величественного монастыря Клостерберга хищно раскинулись на севере от королевского замка. Дорога меж заброшенных полей и заросших диких лесов заняла полтора дня. Конрад гнал коня без остановки, тревожно прислушиваясь к голосу внутри, который требовал ответов и решений немедленно. Он засыпал в седле, просыпался и пускал коня наёмом, нещадно охаживая его крупные бока плёткой. Когда конская шея мылилась от пены, а сам Конрад уже не соображал, правильно ли выбрал направление, показались белые стены Клостерберга.

Альберих встретил короля как всегда с подобострастным почтением и любовью. Он беспрестанно кланялся, мотал облысевшей головой и тянул длинную седую бороду к земле. Крючковые старые пальцы в чернилах и мозолях теребили рукава серой робы грубого пошива.

— Ваше величество, мой дорогой Конрад! — лепетал он, провожая гостя в свою келью. — Я не чаял видеть тебя здесь. Я столь много должен сказать. Мне нынче сон снился...

— Не о тебе речь, — раздражённо махнул рукой Конрад. — Елену отыскали на днях и ко мне привели. Да не переживай ты, — Конрад по пути отмечал краем взгляда монахов, которые при его приближении серыми испуганными воробьями вспархивали со своих мест и прятались в кельях, — её казнят, даю слово. Но она говорила, что смерть станет нашим спасением.

Альберих остановился перед тяжёлой дубовой дверью.

— Смерть, значит, — многозначительно пробормотал он и толкнул дверь рукой.

Келья была бедная, но просторная, освещённая небольшим оконцем посреди стены. На полу и столе лежали свитки, бумага и книги, стояли чернильницы с перьями, какие-то печати и свечи. Конрад уловил запах высушенных полевых трав и старости.

— Я предполагал, — Альберих ногами расчистил тропинку к кровати и жестом предложил королю присесть, — что она сама выйдет к тебе.

— С чего это? — Конрад на секунду вернулся памятью к измождённому лицу ведьмы.

— Известно мне стало, что она рассудка лишилась, когда Грюнвальды пытали её. Хотели выведать о тебе всё.

— Брехня, — Конрад с удовольствием опустился на низкую тёплую кровать и вытянул ноги.

— Истинно говорю тебе, — замахал руками Альберих, — она рассказала им о проклятье и об их... родстве с тобой.

— Брешешь, — снова повторил Конрад. Он уставился в потолок в задумчивости.

— Никак не могу солгать тебе, мой король, — взмолился Альберих, — она полно рассказала братьям-иродам тайну их рождения. Там было много ушей и глаз, и ни одного брата не выкололи и не выгнали. Всех отпустили по свету для слухов и сплетен.

— Не поверят им всё равно, — Конрад прикрыл глаза, сладкой истомой навалилась усталость с новой силой, сгибая закалённое в боях тело.

— Поверят-не поверят, а долго перемывать это будут.

— Как одолеть бессмертных, — еле слышно пробормотал Конрад.

— А в свитках мало что пишут. Только об проклятье их матери, но это дело старое и позабытое частью.

— Половину из этого бреда ты сам написал, — равнодушно бросил Конрад.

Он вдруг вспомнил юную деву, что лежит на дорогах простынях, покрытых паутиной и пылью. Лицо её бесстрастно и прекрасно вечной молодостью, а фигура притягательна своей незащищённостью. Он возвратился к ней снова и снова, и она не теряла своей соблазнительной красоты от раза к разу. И при свете дня, и в полумраке ночи она магнетически безмолвно звала и манила его в свои почти мёртвые объятия.

— Проклятье было, — обиженно ответил Альберих, — и сейчас оно есть. Грюнвальды тому подтверждение.

— Ладно, — Конрад уже успел лечь на кровать не разуваясь, только освободившись от ножен, — как победить это проклятье.

— Пишут вот тут, что... — Альберих слеповато шурился и вертел в руках жёлтый, изгрызенный по краям мышами свиток, — «...Если кто зачат во сне и принял жизнь в царстве сонном — кровь тех не смыть ни водой, ни железом, ни молитвой».

Конрад сквозь сон слушал старика, погружаясь в странный кошмар. Будто колокол выбивал в голове каждое слово древнего свитка.

— Когда падёт тот, кто зачал во сне, — тогда и проклятие с той девы спадёт. Если же не падёт — пребудет в веках, как камень на шее утопленника, — кончил Альберих и перевёл дух.

Конрад уснул.

Глава 3.

Конрад проснулся с первым криком старого охрипшего петуха из бедного хозяйства Клостерберга. Альбериха рядом не было. Убранство его бедной кельи напомнило Конраду о вчерашнем разговоре, но на удивление головная боль сгинула, а вместе с ней усталость и нервозность. Внутри осталось спокойствие и умиротворение. Конрад бодро поднялся с кровати, всласть потянулся, размял затёкшие члены, разогрел руками шею и, уже приладив ножны к поясу, услышал разговор за дверью.

— ...я доподлинно говорю вам, что нет более способа снять мор войны. Лишь голова, — шептал первый человек, голосом похожий на Альбериха.

— Да помолчи, брат, ради Деуна! — второй голос, гнусавый, говорил с дурным акцентом. Конрад не угадал его обладателя и прислушался. — Если бы так проклятья снимались, у нас бы все палачи сытые ходили.

— Прошлым вечером мне открылось... — Альберих замолчал и прислушался, затем они с собеседником отошли от двери, и Конраду пришлось на цыпочках подойти ближе, прижаться спиной к стене, чтобы услышать следующие слова.

— Я не верю ни единому слову из твоих уст, брат мой, — собеседник говорил достаточно громко. — Ты мне не шикай, скрывать пред Деуном и твоим королём мне нечего. Я могу хоть как подтвердить, что...

— ...глупость! Из любви к тебе, брат мой, я тебе... — Альберих совсем зашептал, и Конрад не разобрал дальнейших слов, но семя сомнения было заложено, и он решительно толкнул дверь.

— Куда мне следовать, старик? — Конрад шагнул к ним твёрдым широким шагом, заставив заговорщиков вздрогнуть и отступить.

Древний старик, с которым шептался Альберих, не походил на жителей Айзенхерца. Высокий, смуглый, с белой, как известь, бородой и волосами, он выделялся в компании других монахов и приковывал к себе внимание. Глаза его были также белы и слепы, а борода достигла пояса и в густоте своей развевалась при каждом его шаге.

— Говори же, — Конрад в нетерпении огляделся и вдруг мысль о сытном завтраке вытеснила предыдущие.

— Идём в трапезную, и я скажу, что знаю, — коротко ответил старик.

Когда простой завтрак был съеден, Конрад вытер рот рукавом, сложил руки на столе и в ожидании замер. Старики ели медленно. Альберих чавкал беззубым ртом, часто плевался и смущённо отводил взгляд от короля. Его брат по вере Захир ел с достоинством, будто на званом ужине. Держал спину уверенно и ровно, узкие плечи расправил и поминутно вытирал уголки рта серой тряпкой, служившей ему носовым платком.

Конрад не выдержал и стукнул кулаком по столу. Старики вздрогнули, а Захир уронил свою ложку с кашей в тарелку.

— Я ждать не могу, — строго сказал Конрад. — Ты знаешь способ снять проклятье?

— Во имя Деуна, — Захир обратил на него незрячие глаза, — отрывать человека от трапезы означает убивать его, но медленно.

— Да мне плевать на твоего Деуна и трапезу! — вспыхнул Конрад.

— Прошу тебя, мой король! — тут же встрял Альберих. — Позволь брату Захиру окончить свой простой завтрак, и он поделится с тобой знанием. Наберись же терпения.

— Нет его у меня, — зло проворчал Конрад и встал из-за стола.

Под тихий шелест шепотков монахов и послушников он покинул трапезную и вышел в сад. Аккуратный разбитый сад на внутреннем дворе монастыря радовал глаз строгим построением грядок и клумб, заботливо ухоженных и цветущих. Конрад с удовольствием прогулялся

по тропинкам, сорвал пару крепких недозрелых яблок. Одно он спрятал за пазухой, а в другое с наслаждением вгрызся. Яблоко было кислое и сочное, но червивое.

— Мой драгоценный король, — Альберих семенил по дорожкам в сад. За ним медленно, но уверенно шёл Захир. — Мы готовы ответить на твои вопросы.

— Не мы, — Конрад отбросил огрызок в розовую клумбу. — Только этот старец.

— Я должен... — Альберих ревностно нахмурился и шагнул к нему.

— Не должен.

Беседовать сели под той же яблоней. Захир долго собирался с мыслями, вертел головой и прислушивался к окружению. Наконец он заговорил. Конрад слушал его не перебивая и стараясь унять нервозность. Ему не хотелось длинных речей, историй, преданий и былин. Он желал чёткий ответ: «как победить бессмертные братьев Грюнвальд».

— ...я был слишком мал. Ильза, сохрани Деун мою память, страх на меня навлекла жуткий. Я как замороженный шёл за ней...

Конрад слушал и думал, что когда-то станет старым и мир его будет в воспоминаниях, а прошлое станет настоящим. Он смотрел на узкие маленькие руки Захира с тонкой кожей, испещрённой веснушками и морщинами. Он без стыда разглядывал его смуглое лицо и мыслями уносился далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.